

А. Ю. ВЕЙС

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА Н. А. ЛЬВОВА

І. НЕОПУБЛИКОВАННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

«НА УГОЛЬНОЙ ПОЖАР»¹

Николай Александрович Львов (1751—1803) вошел в историю русской культуры последней четверти XVIII века как талантливый архитектор и поэт, рисовальщик и гравер, собиратель и исследователь народных песен, изобретатель и деятель горной промышленности.

На его изысканиях в области горной промышленности мы остановимся потому, что один из эпизодов этой отрасли его деятельности нашел отражение в публикуемом ниже стихотворении.

Среди произведений Н. А. Львова, напечатанных в т. 9—10 «Литературного наследия», отсутствует стихотворение «На угольной пожар».² Между тем оно интересно не только как лирический отклик на событие, связанное с биографией Львова, но и как произведение, ценное в художественном и идейном отношении. Приводим текст стихотворения:

НА УГОЛЬНОЙ ПОЖАР

Послушай, мать — сыра земля,
Ты целой век ничком лежала,
Теперь стеной к звездам восстала,
Но кто тебя воздвигнул? — Я!

Не тронь хоть ты меня, покуда
Заправляю я свои беды,
Посланные от чуда-юда:
От воздуха, огня, воды.

¹ Предлагаемая вниманию читателя работа была написана летом 1951 года. Появившиеся после этого статьи, а также две диссертации (Н. И. Никулиной и А. Х. Грансберг) автором учтены. В 1954 году исполнилось 200 лет со дня рождения, в 1953 году — 150 лет со дня смерти Н. А. Львова, но месяц и день его рождения до сих пор не выяснены.

² Неизданные стихи Н. А. Львова. Публикация Э. Аргамоновой. «Литературное наследство», т. 9—10, М., 1933, стр. 264—286.

Огонь воды не осушает,
И десять дней горит пожар,
Вода огонь не потушает,
А воздух раздувает жар.³

Стихотворение было вызвано угольным пожаром, который произошел на даче Н. А. Львова, по всей вероятности, осенью 1799 года.

Н. А. Львов явился «первым официальным руководителем промышленной разработки каменного угля на территории нашей Родины».⁴ Еще акад. Я. К. Грот в 1880 году указывал на то, что по письмам Львова к Державину можно воссоздать довольно ясную картину его работы в области эксплуатации боровичского каменного угля.⁵ Сводку этих материалов с дополнением их новыми архивными данными осуществил в 1927 году Б. И. Коплан. Он тщательно систематизировал и последовательно изложил высказывания Львова по вопросу угледобычи.⁶ Работа Коплана дала достаточно верное представление о деятельности Львова в этом направлении. В настоящее время изыскания проф. А. А. Зворыкина⁷ показали, какое крупное значение имел Н. А. Львов на рубеже XVIII—XIX веков в области разработки отечественного угля. Однако ни один из названных исследователей не указал на то, что эта сторона деятельности Львова нашла отражение в его поэтическом творчестве.

В 1822 году в журнале «Сын Отечества» появилась первая краткая биография Н. А. Львова, написанная, по сообщению редакции, «одним из близких родственников поэта».⁸ Из нее видно, как трудно было Львову осуществлять свои замечательные патриотические начинания. «Часто, и во всех почти краях, — писал биограф, — при открытии новых польз общественных, виновники оных, возбуждая внимание зависти, были гонимы. Подобной участи не избежал и Львов<...> О земляном угле кричали, что он не горит и не может заменить земляного угля английского, а уголь русский, загоревшись однажды на пустом месте на берегу под Невским, горел несколько месяцев, и потушить его было невозможно».⁹

³ Архив Г. Р. Державина в ГПБ, т. 37, л. 91 об. Список. Из этого тома были взяты Э. В. Артамоновой материалы для публикации.

⁴ А. А. Зворыкин. Первооткрыватели каменноугольных бассейнов СССР. Стенограмма лекции. М., 1950, стр. 20.

⁵ Я. К. Грот. Жизнь Державина. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. VIII, СПб., 1880, стр. 533.

⁶ Б. И. Коплан. К истории жизни и творчества Н. А. Львова. «Изв. АН СССР», VI сер., 1927, № 7—8, стр. 699—710.

⁷ А. А. Зворыкин, ук. соч., стр. 20—26. См. также: Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. Исследование и документы. Сост. под руков. А. А. Зворыкина. М.—Л., 1952, стр. 207—208, 240—254, 277—284; А. А. Зворыкин. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. Исследование и документы, т. I, М., 1949, стр. 127—130, 444.

⁸ «Сын Отечества», 1822, ч. 77, № XVII, стр. 108—121. В 1855 году эта работа была напечатана с небольшими изменениями в «Москвитянине» (т. II, № 6, стр. 179—185) со следующим примечанием редакции: «Эта биография попала в бумагах Михайла Никитича Муравьева, и, вероятно, написана им самим».

⁹ «Сын Отечества», 1822, ч. 77, № XVII, стр. 119; «Москвитянин», 1855, т. II, № 6, стр. 184.

Несмотря на то, что в именном указе Павла I от 24 августа 1798 года «О разработке каменного угля для доставления оного на употребление в обе столицы»¹⁰ предлагалось соответствующим государственным учреждениям оказывать Н. А. Львову содействие, крепостнический государственный аппарат не только не помогал ему в его прогрессивных начинаниях, но, напротив, чинил всяческие препятствия. Об этом Львов с горечью писал в своей книге «О пользе и употреблении русского земляного угля»:

«Введение новых и нужных вещей в общее употребление столько же в полезную сторону медленнее, сколько стремительно в сторону невыгоды для тех, коих добрая воля служить соотечам и земле своей первыми выставляет на строгой и часто пристрастной суд! Почти всегда единая заплата для начинающего было нареканье, неприятности и труд, успех дела оставался по пути его следующему; тогда пройдет уже время, на толки определенное и идущий по готовой дороге, где трудности преодолел его предшественник, браня его, что он ничего не сделал, пожинает похвалы и пользу, которых семена не он сеял. Между тем забыто уже имя и дело того, который с добрым намерением искал доброго имени и понес труды для общей пользы.

«Имея некоторые неприятные опыты сей истины, ни о славе, ни о труде я, действительно, не мыслил, посвятив себя с лишком 10 лет в часы для отдохновения от должности мне оставшиеся, на обретение в России на выгодном месте минерального угля, убежден будучи только тем, что сделаю полезное дело, естли успех будет отвечать намерению моему, нашел уголь и много. По опытам посторонним нашлось, что он и на всё годится, ходил я челобитчиком, чтобы позволили разрабатывать вследствие монаршей воли найденной мною уголь; но разработка оного оставалась безгласною, смеялись обретению и обретателю, обещали, отказывали, и я, терпевши всякого рода неудачи 10 лет, не отстал от моего начала. Всё мне казалось, что, кроме большого подспорья дровам (и тогда уже час от часу дороже становившимся), одна выходящая ежегодно на уголь и на серу из государства сумма заслуживает не бросать моей находки, потому что, кроме 45 982 рублей, на иностранный уголь употребляемых, заплачено за горючую серу в 1788 году 84 546 рублей; итого 130 528 рублей.¹¹ Деньги бы сии оставались дома, уголь бы способствовал дешевизне дров, леса не столько бы выводились, из угля делали бы серу и, много денег расходясь на рабочих людей, обогатили бы тот край, где зимою почти ничего выработать нельзя.

«Вот причины, которые заставили меня искать уголь, и за них покорно прошу меня простить, естли кому-нибудь противен его запах».¹²

Как видим из приведенных цитат, а также из писем Львова к Г. Р. Державину и А. Р. Воронцову и из его отношений и донесений в Академию наук и Академию художеств,¹³ попытки Львова внедрить русский уголь взамен

¹⁰ ПСЗ, т. XXV, № 18638.

¹¹ «Уголь тогда продавался только от 8 до 15 коп. пуд; но с того времени цена оного более, нежели удвоилась: ибо в следующих годах привозной уголь от 25 до 40 копеек пуд, что по средней цене составило бы уже сумму 300 000 рублей. Правда, что с того времени, как начали привозить в столицу свой уголь, англичане спустили цену; но естли бы они и по 5 коп. пуд продавали, нет, мне кажется, для государства прибыли выпускать деньги за такой товар, которой своим заменить можно. Впрочем, цена и ныне уголю состоит между 35 и 25 копеек пуд, в равновеску». (Примечание Н. А. Львова).

¹² «Н. А. Львов». О пользе и употреблении русского земляного угля. СПб., 1799, стр. 45—47.

¹³ Б. И. Коплан, ук. соч., стр. 699—710.

английского осуществлялись с большим трудом. Из неопубликованных отрывочных черновых набросков и записей Львова явствует, как сильно занимал и волновал его этот вопрос.¹⁴

Видимо, окончательно выведенный из терпения препятствиями, чинившимися ему бюрократами, Львов решил обратиться в высшие инстанции и составил следующую записку, черновик которой приводим:

Императорское амир[алтейство]. 21-е марта 1803. СПб.

Т[айный] с[оветник] Льв[о]в просит, не угодно ли будет прекратить учение земляных строителей, поелику 24 уже губернии отозвались, что достаточно число оных. Равным образом и разработку земляного угля, поелику в принятии оного адмиралтейство великие делает затруднения и не апробует доброту оного, несмотря на опыты, прежде разработки сделанные. Остановка сия повторенная экспедиции большой суммы стоила.¹⁵

Попытки Львова наладить употребление отечественного угля реализовались с большим трудом. В конце концов доставленный им в столицу и нигде не принятый уголь загорелся. До сих пор в историко-литературных работах были известны два свидетельства, касавшихся этого события. Это письмо М. А. Львовой Г. Р. Державину от 20 февраля 1801 года¹⁶ и цитированный нами отрывок из биографии Н. А. Львова. Исследователи XIX века, П. И. Бартенев и Я. К. Грот, знали об этих свидетельствах. Бартенев писал: «Предание сказывает, что под Петербургом этого львовского угля свезено было большое количество, что он загорелся нечаянно и горел в течение с лишком дней.¹⁷ Но ярче всего — если не считать стихотворения Львова — об этом рассказано в письме М. А. Львовой: «...прошлого года он также привез уголь, но его у него нигде не приняли, говоря, что выписали из Англии, хотя угля никакого другого не употребляли. Итак, у него остался уголь на руках; тогда он стал просить, чтоб дали ему место, где бы ему можно было положить уголь безопасно, и тут государь приказал отвести место против Аничковского дворца на Фонтанке; но ему не дали ни тут, ни в другом месте. Пришла между тем осень; барки оставить невыгруженными опасно, чтоб льдом не проломило и не потопило бы угля: принужден он был выгрузить у себя на даче, где загорелась пивоварня, и сгорел весь уголь, об чем весь Петербург знает».¹⁸

Я. К. Грот в комментариях к сочинениям Державина приводил чрезвычайно богатый фактический материал, используя рукописи Львова, бывшие в его распоряжении, но почти совершенно не комментировал это письмо Львовой. Не упомянул он и о стихотворении Львова на эту тему, хотя,

¹⁴ Рукописный отдел ИРЛИ, Путевая тетрадь Н. А. Львова № 2, л. 77; там же, № 3, л. 12. Черновые записи и наброски Львова по этому поводу, кроме указанных, встречаются в «Путевых тетрадях» № 2 (лл. 75 об.—76) и № 3 (л. 14). Кроме того, в делах Державина (из собрания Я. К. Грота) имеется следующий документ: «Примечание о боровицкой угольной карьере» (Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 96, оп. 14, № 48, 2 л.). Последний документ (вероятно, писарская копия) имеет прямое отношение к работам Львова, но составлен не им.

¹⁵ ИРЛИ, Рукописный отдел, Путевая тетрадь Н. А. Львова № 3, л. 18.

¹⁶ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. VI, СПб., 1871, стр. 368—369. В дальнейшем цитируется: Державин. Сочинения.

¹⁷ Архив князя Воронцова, кн. 32, М., 1886, стр. 512; также см.: Б. И. Коплан, ук. соч., стр. 704.

¹⁸ Державин. Сочинения, т. VI, стр. 368.

несомненно, видел его в рукописи. В биографии Державина он писал: «Перевезенный в Петербург, валдайский уголь долго лежал большою массой на каком-то дворе, но наконец, в жаркое время, воспламенился и весь пропал».¹⁹ Грот говорит о «каком-то дворе», хотя в письме М. А. Львовой совершенно ясно сказано, что пожар произошел на даче Львова, а в примечаниях к стихотворению «Другу» (1795) сам Грот объясняет, что дача Львова находилась «близ Невского монастыря, против Охты».²⁰ Кроме того, Я. К. Грот имел в своем распоряжении документ, который несколько уточняет местоположение дачи и дает довольно подробное официальное изложение всех перипетий в работе Львова по добыче, поставке и реализации угля. Этот документ — «Записка о боровицком каменном угле и относящихся к нему разных заведений» — представляет безусловный интерес не только для биографов Н. А. Львова, но и для истории Ленинграда, горного дела и отчасти литературы.²¹

Грот, очевидно, знал о пожаре понаслышке: он говорит о «каком-то дворе» и неточно указывает время; М. А. Львова писала о том, что «пришла... осень»; в изложении же Я. К. Грота дело произошло в «жаркое время». Я. К. Грот не обнаружил интереса к эпизоду с пожаром и к связанному с этим стихотворению «На угольной пожар».

Между тем последнее заслуживает внимания, так как по языку и по системе образов оно тесно связано с другими поэтическими произведениями Львова, а по своей научной тематике продолжает линию «научной поэзии», начатую «Утренним» и «Вечерним размышлением о божием величестве» и «Письмом о пользе стекла» Ломоносова.

Система образов Львова в публикуемом стихотворении близка к народной поэзии. Такие обороты, как «мать — сыра земля», «целой век ничком лежала», «заправлю я свои беды, посланные от чуда-юда», — всё это народные образы.

Поэт в своем обращении к «матери — сырой земле» рисует яркую картину: еще не тронутая, не возделанная человеком, «земля» «целой век лежала ничком». И дальше, чтобы показать мощь вырвавшихся на свободу сил природы, Львов создает грандиозный образ пламени, восставшего «стеной к звездам».

Следующий стих — «Но кто тебя воздвигнул? Я!» — говорит уже о другом, о разумной воле человека, во власти которого обратить силы природы себе на пользу. Здесь налицо возмещение могуществом дел человеческих и человеком-творцом. Слово же «воздвигнуть», семантика которого несет в себе понятие величия и торжества разумного начала, с предельной ясностью выявило мысль поэта, идею стихотворения.

Хотя уголь, привезенный Львовым, загорелся и при помощи тогдашних технических средств его не могли потушить, но по замыслу стихотворения именно человек должен выйти победителем и научиться управлять силами природы.

Аналогичный характер имеет и баллада «Ночь в чухонской избе на пустыре». Львов выступает здесь как человек XVIII столетия, владеющий знанием и идущий навстречу непознанным трудностям:

Бесконечной Ночи бурной визг,
Умножаясь продолжается...

¹⁹ Я. К. Грот. Жизнь Державина. Державин, Сочинения, т. VIII, СПб., 1880, стр. 533.

²⁰ Державин, Сочинения т. I, СПб., 1864, стр. 673.

²¹ Хранится в ИРЛИ (ф. 86, сп. 13, № 37), в составе бумаг Державина из архива Я. К. Грота

Что за страшный громовой удар
 Потряхнул пустыню спящую?
 Отдался в лесу и лес завыл?
 Выйду, встречу Ночь лицом в лицо,
 Посмотрю на брань природных сил...²²

Это не созерцательное любование идиллическими картинами природы, наоборот, это активное наблюдение стихийных сил природы с намерением познать ее законы. Такие стихи мог написать только человек с большим опытом научно-практической работы. Баллада «Ночь в чухонской избе на пустыре» была написана как раз тогда, когда Львов усиленно работал в Гатчине над созданием своих огнестойких землебитных построек, наиболее удачным образцом которых было сооружение гатчинского «Приората».²³ Это здание блестяще выдержало испытание временем, простояв полтора столетия в условиях влажного приморского климата, и не дало даже трещины, когда во время Великой Отечественной войны недалеко от него разорвалась тяжелая фугасная бомба.

Работа на пользу своих соотечественников придала глубокий смысл трудам Львова. Он, вслед за Ломоносовым, стал одним из самых ранних и замечательных певцов труда:

Послушай, мать — сыра земля,
 Ты целой век ничком лежала,
 Теперь стеной к звездам восстала,
 Но кто тебя воздвигнул? — Я!

В этих четырех строчках — весь Львов: его неугомонная энергия, сила убежденности в своей правоте, в жизнненности тех идей, к которым он пришел в своей практической работе.

II. НЕИЗВЕСТНАЯ БАСНЯ Н. А. ЛЬВОВА

Неясность относительно авторства так называемых «Чужих басен», печатавшихся в сборниках И. И. Хемницера «Басни и сказки» была устранена Б. И. Копланом еще в 1927 году.²⁴

Найденные в советские годы черновые автографы Н. А. Львова позволили Б. И. Коплану с полной убедительностью установить, что автором «Чужих басен» является Львов, а не Хемницер. Тем самым догадка Н. С. Тихонравова,²⁵ высказанная еще за три четверти века до работы Б. И. Коплана, подтвердилась, а мнение Я. К. Грота в пользу Хемницера²⁶

²² Ночь в чухонской избе на пустыре. «Литературное наследство», т. 9—10, 1933, стр. 280.

²³ А. Липман. Неизвестные постройки Николая Львова. «Архитектура Ленинграда», 1941, № 2, стр. 67—68; Инж. В. В. Свенторжецкий. Земля как строительный материал. Изд. 2-е, Л., 1933, стр. 7—11.

²⁴ Б. И. Коплан. К истории жизни и творчества Н. А. Львова. «Известия Академии наук СССР», VI серия, 1927, № 7—8, стр. 720—726.

²⁵ Н. С. Тихонравов. Рецензия на книгу: Мелочи из запаса моей памяти Мих. Дмитриева. Москва, 1854. «Отечественные записки», т. ХСVIII, 1855, январь, отдел III, стр. 12—13.

²⁶ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. I, СПб., 1864, стр. 179; Сочинения и письма Хемницера. С биографической статьей и примечаниями Я. Грота, СПб., 1873, стр. 32.

должно быть окончательно отвергнуто. Тогда же Б. И. Коплан опубликовал еще одну неизвестную, третью, басню Львова, обнаруженную в той же тетради, где и черновики «Чужих басен».

Однако работа Коплана почему-то оставлена без внимания некоторыми исследователями, и «Чужие басни» продолжают приписываться Хемницеру,²⁷ и Львов-баснописец по-прежнему не известен читателю. Это объясняется отчасти тем, что составитель двух антологий, озаглавленных «Русская басня XVIII и XIX века», Н. Л. Степанов не уделил в них места Львову.²⁸

Басенное наследие Львова пополняется ныне еще одной, четвертой басней, автограф которой нами обнаружен в «Путевой тетради № 2» Н. А. Львова:

23-е нояб<ря> 1803. Москва! больной после Крыму.
Кому как по натуре Л<ьво>ва стихи.

БАСНЬ

Дурак привык купаться в луже,
«Дурак, поди в реку». — «Там хуже:
там течет,
светла, мешает
да студена, как лед», —
дурында отвечает.
Дурак наш так считает:
«Где смирно, хоть черно,
но тихая вода,
то там и золотое дно».
О! Дурень! Там беда.²⁹

Написано это произведение во время предсмертной болезни Львова, одновременно оборвавшей его жизненный и творческий путь.

Идея басни является выражением тех принципов, которым в течение всей своей жизни следовал Львов. Даже самое общее представление о творческой биографии поэта убеждает нас в этом.

Вся жизнь Н. А. Львова — это пример неутомимого и вдохновенного труда на пользу Отечества. В своей многообразной творческой деятельности

²⁷ А. С. Пушкин, Полн. собр. сочинений в шести томах, т. VI, М.—Л., 1931, стр. 364; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Изд. 1-е, Учпедгиз, М., 1945, стр. 317; изд. 2-е, Учпедгиз, М., 1951, стр. 530; изд. 3-е, Учпедгиз, М., 1955, стр. 433; А. Д. Китина. Литературное окружение Державина. «Известия Воронежского педагогического института, т. X, вып. III, Воронеж, 1948, стр. 32.

²⁸ Русская басня XVIII и XIX века. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н. Л. Степанова, «Библиотека поэта», большая серия, Л., 1949; Русская басня XVIII и начала XIX века. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н. Л. Степанова, «Библиотека поэта», малая серия, Л., 1951.

²⁹ ИРЛИ, ф. 16470/С. IV 6-20. Сокращенный и полный списки этой басни имеются в 37-м томе Архива Державина в ГПБ.

Львов постоянно общался с разными слоями народа, с представителями разных классов. Он был дружески и творчески связан с Г. Р. Державиным, В. В. Капнистом, И. И. Хемницером, Д. Г. Левицким, В. Л. Боровиковским, А. Е. Егоровым, Дж. Кваренги, Е. И. Фоминим, М. Н. Муравьевым, И. М. Муравьевым-Апостолом, А. Н. Олениным, А. А. Мусиным-Пушкиным и др. В его научно-исследовательских опытах помощниками его были дворовые; во время разработки боровичских углей он вместе с крестьянами проводил недели и месяцы «в угольной яме»,³⁰ он слушал и записывал народные песни.³¹

Именно это постоянное трудовое соприкосновение и непосредственная творческая связь Н. А. Львова с народом укрепили в нем веру в созидательные силы русского народа.

Одним из доказательств этого положения может служить запись Львова от 1 марта 1803 года, в которой автор со свойственной ему убежденностью отвечал неизвестному оппоненту:

«Вопрос: да где взять людей?»

«Награди только заслугу, ободрь таланты: земля русская полна ими. Тогда из-под снегов ее выйдут люди великие, вырастут невидимо и согреют солнцем опыта; да и дело отвори(?) на примере(?)». Соревнование отличит превосходных, отставшие достигать станут, где не силою, там разумом, где парением, где терпением».³²

Между этой записью и басней, написанной в том же 1803 году, есть много общего. Уже по существу на смертном одре, за месяц до кончины, только что вернувшись из своей поездки по югу,³³ больной, но, как всегда, активный, полный творческих исканий, планов и надежд, Львов славит неустанное движение человека вперед и порицает прекращение движения, безразличие, пассивность (= бесперспективность), ведущие к гибели личности, к духовной и социальной смерти человека.

³⁰ Державин, Сочинения, т. V, СПб., 1869, стр. 580.

³¹ См.: Е. Канн-Новикова. Собиранье русских народных песен Н. А. Львов (К 200-летию со дня рождения). «Советская музыка», 1951, № 12, стр. 77—81.

³² ИРЛИ, ф. 16470/С. IV: Б. 20. Путевая тетрадь Н. А. Львова № 2, л. 1 об.

³³ В 1803 году Н. А. Львов был командирован на юг для обследования Кавказских минеральных вод и общего описания Кавказа и Крыма. См.: Б. И. Коплан, ук. соч., стр. 710—714.